

ВВЕДЕНИЕ. СМЯТЕНИЕ В АРХИВЕ

Данное исследование, посвященное русским крестьянкам, не желавшим вступать в брак, появилось в результате двух совершенно неожиданных находок, сделанных одновременно и потянувших за собой клубок вопросов, на которые у меня не было ответов. Находки эти обнаружались в ряде исповедных ведомостей — в списках состава семей прихожан, которые приходили (или не приходили) на ежегодную исповедь, как это требовалось от всех членов Русской православной церкви. Это были ведомости из прихода села Купля — кучки деревень возле небольшого городка Гороховец в восточной части Владимирской губернии. Одна из находок демографического характера: в некоторых из этих деревень в конце XVIII столетия весьма значительная часть взрослых женщин всю жизнь оставались в девках. В русских деревнях XVIII и XIX вв. нередко можно было обнаружить одну или двух взрослых незамужних женщин, но с той же вероятностью даже в очень большой деревне все до одной взрослые женщины могли оказаться замужем. Среди российских историков и этнографов бытует единодушное мнение, что вступление в брак для русских крестьян было практически неизбежно. В приходе с. Купля дело обстояло явно не так: на 1795 г. в деревне Случково 44% женщин старше 25 лет были не замужем. Даже эта цифра сильно преуменьшает сопротивление случковских женщин браку: ревизские сказки показывают, что из всех женщин, родившихся в этой деревне и достигших возраста 25 лет в период между 1763 и 1795 гг., целых 70% остались незамужними. Случковские же мужчины почти все были

женатыми, но подавляющее большинство их жен были родом из других деревень. Дальнейшее исследование показало, что, хотя случковские женщины отказывались от брака в процентном соотношении чаще, чем женщины в других деревнях данного района, в этой части Гороховецкого уезда в конце XVIII в. среди уроженок этих деревень процент воздержавшихся от брака колеблется от 20 до 40%. Ничто из прочитанного мной о крестьянском браке или крестьянской культуре в России не предвосхищало и не объясняло обнаруженной ситуации в приходе с. Купля.

Из тех же исповедных ведомостей я узнал, какие именно женщины чурались замужества, — они были членами старообрядческого Спасова согласия. Это удивило меня по двум причинам. Во-первых, у спасовцев брак не запрещался, наоборот, они имели нелестную славу в старообрядческих кругах именно из-за того, что венчались в православных церквях. Во-вторых, мне никогда раньше не попадались исповедные ведомости, где священник указывал бы, к какому согласию принадлежат старообрядцы из его прихода. Во многих исповедных ведомостях старообрядцы (или, как называли их православные, «раскольники») обозначаются только по их общей принадлежности к расколу: священники указывают эту принадлежность как причину, почему те или иные прихожане не являются на исповедь. В приходе с. Купля священники начали обозначать старообрядческие согласия еще до 1830 г. и продолжали как минимум до 1850 г. Это не входило в их обязанности, однако пример первого священника, называвшего согласия, оказался заразителен для его преемников. Возможно, исповедные ведомости с. Купля не уникальны в этом отношении, хотя нельзя сказать наверняка. То, что я заказал тома исповедных ведомостей именно с. Купля, а не другого прихода Гороховецкого уезда, было чистым везением. Этот шанс — один к нескольким тысячам, если не больше: спасовцев даже в те времена было заведомо трудно опознать, поскольку они маскировались под православных. Они крестились в церкви, венчались в церкви и перед венчанием исповедовались и причащались в церкви. Приходские священники обычно включали их в списки православных. В приходе с.

Купля, однако, спасовцы раскрыли местному священнику свое вероисповедание.

То, что не выходявшие замуж женщины-староверки д. Случково были из Спасова согласия, скорее усложнило, чем разрешило загадку. Спасовцы заодно со многими россиянами отвергли текстуальные и обрядовые нововведения патриарха Никона (поставлен в патриархи в 1650 г., оставил первосвятительскую кафедру в 1658 г., извержен из патриаршества в 1666 г.), официально утвержденные поместным Московским собором в 1667 г. Эти реформы вызвали смятение в Русской православной церкви. Противники сочли все реформы ересью, Никонианскую православную церковь еретической и заключили, что грядет конец света, а Антихрист, должно быть, уже шествует по миру. К несчастью для антиреформистов, хотя на раннем этапе священники и монахи были среди главных заводил протеста, в их рядах не оказалось ни одного епископа. Поскольку лишь епископы могли совершать хиротонию, после смерти последнего священника, рукоположенного до патриаршества Никона, мир — по логике самых радикальных и последовательных староверов — останется без священства, то есть некому будет совершать большинство таинств. Исключение составляли крещение и исповедь, которые по старым правилам православной церкви в экстренных случаях — например, в отсутствие священника — могли совершаться мирянами. Эти, как их называли, беспоповцы категорически отрицали брак, так как не было не впавших в ересь попов, чтобы брак освятить. Более прагматичные среди староверов принимали к себе беглых попов, которые отреклись от никонианской ереси и очистились через таинство миропомазания. Эти прагматики известны под именем «поповцы», и в этой истории они не играют почти никакой роли.

Спасовцы проявили себя как отдельное беспоповское согласие в конце XVII в. и в некоторых отношениях оказались более радикальны, чем другие согласия: они настаивали, что без попов не могут совершаться никакие таинства (даже крещение и исповедь), что Бог лишил мир Своей благодати и что христиане уже ничего не могут сделать для своего спасения. По меньшей мере до 1730 г. брак они однозначно запрещали. К концу XVIII в., однако, они решительно пересмотрели свою

брачную доктрину и постановили, что члены согласия могут заключать браки в православных церквях и что православные священники могут также крестить их детей. Поскольку православная церковь требовала, чтобы молодые перед венчанием исповедовались и причащались, брачующиеся спасовцы совершали также и эти таинства¹. При этом спасовцы по-прежнему отказывались признавать православное венчание, крещение, исповедь и причастие действительными таинствами, но, очевидно, они не считали — в отличие от большинства других старообрядцев, — что, принимая эти лжетаинства от священников-еретиков (то есть православных попов), они подвергают опасности свои бессмертные души. Поскольку любого, кто принимает православные таинства, священники считали православным, они ничтоже сумняшея записывали в исповедных ведомостях спасовцев, не объявивших себя таковыми, как православных.

Существует очень мало источников, располагающих сведениями о спасовцах XVIII в., и ни в одном из них (и ни в одном из источников XIX в.) не объясняется, почему спасовцы решили венчаться в православных церквях. Я выдвигаю предположение по этому поводу в главе 5. В целом спасовцы в этом вопросе не сильно отличались от большинства других беспоповских согласий, которые также в течение XVIII–XIX вв. постепенно примирились с браком, так как жесткий запрет на заключение брака не позволил бы им сохранить многочисленный контингент приверженцев из мирян. Беспоповские согласия, продолжавшие запрещать брак, теряли своих членов в пользу брачующихся согласий, и в XVIII–XIX вв. в согласиях часто происходили расколы в результате разногласий по вопросу о браке. Другими словами, приемлемость брака у спасовцев в XVIII в. соответствовала более широкой тенденции среди беспоповцев. Однако только они

¹ Все, в том числе сами священники, считали это правилом, хотя, как отметил Священный синод в 1839 г., православное каноническое право не содержит положения, требующего, чтобы брачующиеся исповедовались и причащались перед венчанием (Собрание постановлений по части раскола, состоявшихся по ведомству Св. Синода. СПб.: МВД, 1860. Кн. 2 (1801–1858). С. 359–361). Синод постановил, что священники должны продолжать предлагать брачующимся совершить таинство, но делать это в качестве личного совета, а не приказа. На практике это недоразумение обрело силу закона.

потворствовали привлечению православных священников к совершению брачной церемонии.

Еще более озадачивает то, что в то же самое время, когда спасовцы сочли приемлемым брак, совершаемый православными священниками, все больше крестьянок-спасовок стали отказываться от замужества, и это касается не только прихода с. Купля. Доктрина пошла навстречу браку, на практике же женщины бежали от него. Между тем мало кто из современников спасовцев в XIX в. вообще заметил, что большое число женщин Спасова согласия избегали замужества. Мной был обнаружен лишь один такой источник: некий наблюдательный чиновник отметил, что в одной губернии в среде спасовцев было необычайно много незамужних женщин. Но это замечание не сопровождалось никаким объяснением. В главе 5 я предлагаю свое, кажущееся мне вероятным толкование предпочтения спасовских женщин оставаться в девках: они отвергали брак от отчаяния, что живут в мире, к которому Господь Бог совершенно безразличен. Аргументы в пользу этого решающего довода в лучшем случае косвенные и контекстуальные. Я должен с сожалением признать, что не могу пока представить окончательного ответа на некоторые вопросы из тех, что посыпались со страниц исповедных ведомостей с. Купля.

Даже при отсутствии объяснения отношения спасовцев к браку и если мое предположение ошибочно, демографические и социальные последствия резко повысившегося уровня воздержания от брака очевидны. Так, например, спасовские двory оставили вполне отчетливый след в демографических источниках. Возникло новое явление, которое можно назвать «двор-женонакопитель»: незамужние сестры и дочери главы дома, его жена и жены его сыновей, порой незамужние внучки главы, иногда другие родственницы, влившиеся в женонакопитель после распада их собственного двора. Многие крестьянские хозяйства в России разорялись вследствие различных демографических злоключений, но спасовские двory просто напрашивались на разорение. При этом каждый разорившийся двор увеличивал демографическое бремя других дворов, где находили прибежище его уцелевшие домочадцы. Отношение спасовцев к браку привело к возникновению дворов и общин,

чья структура шла вразрез с традиционными стратегиями выживания русского крестьянства.

Брачные обычаи спасовцев создавали также проблемы для остальной части крестьянской общины. При широком распространении противления браку среди крестьянок, принадлежавших к Спасову согласию, и притом что практически 100% крестьян-спасовцев женились, где эти мужчины находили жен? За исключением самых крупных русских деревень многие и даже большинство крестьян находили невест в других деревнях, на расстоянии порядка 10 километров от собственной деревни. Именно таков был радиус поиска у мужчин прихода с. Купля в 1760-х гг., как раз когда спасовские женщины начали активно покидать рынок невест. К концу XVIII в. они расширили радиус поиска до 15 километров, а в отдельных случаях и значительно дальше и зачастую были вынуждены покупать невест из крепостных, что весьма редко случалось до того (сами крестьяне Случково не были крепостными). Поскольку во многих деревнях вблизи прихода с. Купля находилось большое количество спасовских дворов (они выделялись своей характерной структурой), можно сделать вывод, что большие расстояния, которые приходилось покрывать в поисках невест, и затраты на выкуп крепостных невест — это беды, которые спасовцы сами навлекли на свою голову. Можно лишь удивляться успеху спасовцев в обеспечении себя невестами.

Однако последствия спасовской брачной головоломки не ограничивались нарушениями местного паритета между мужчинами и женщинами, желающими вступить в брак. Бок о бок со спасовцами жили *неспасовцы*, для которых было совершенно естественно, что все крестьяне — мужчины и женщины — брачатся. Крестьяне признавали, конечно, исключения — например, отдельным женщинам серьезные физические или умственные недостатки не позволяли выполнять положенную жене работу по дому; некоторые женщины (и православные, и староверки) не выходили замуж, поскольку они чувствовали призвание свыше. Большинство же *неспасовцев* принимали за должное, что, за редким исключением, все крестьяне брачались. Они предполагали также и даже настаивали на том, что все молодые крестьянки должны быть готовы вступить в брак. Русские

крестьяне понимали — и это отражается в некоторых их челобитных, — что всеобщий брак означает многосторонний обмен дочерьми между всеми местными дворами. Если же осязаемое количество молодых женщин не вступает в брак, то в данной местности образуется нехватка невест и юношам, возможно, будет трудно добывать себе жен. Те дворы, которые стремились оженить своих сыновей, а дочерей замуж не отдавали, вызывали возмущение у соседей. И поскольку столь многие из их дочерей не выходили замуж, спасовцы в большой степени зависели от готовности крестьян с другими религиозными убеждениями поставлять невест для их сыновей. Есть косвенные данные о том, что некоторые деревни, обменивавшиеся дочерьми с д. Случково в 1760-х гг., к 1780-м стали отказываться выдавать дочерей замуж в это село. Есть немало прямых свидетельств возмущения в крепостных имениях, порожденного отказом женщин от брака: крепостные жаловались своим владельцам, что из-за отказа женщин выходить замуж их сыновья не могут найти себе жен. Они просили своих хозяев, чтобы те заставили отцов отдать дочерей замуж. Эти свидетельства у меня представлены в главе 2. Крепостные помещики во второй половине XVIII в. первыми — не считая самих крестьян — узнали о широко распространившемся противлении браку, потому что им донесли об этом их крепостные, и я привожу доводы в пользу тезиса о том, что тенденция вмешиваться в брачные дела своих крепостных была спровоцирована именно жалобами крепостных мужиков на баб, отказывавшихся выходить замуж.

Я также выдвигаю тезис о том, что в Спасовом согласии решение выходить или не выходить замуж фактически принимали сами женщины. В приходе с. Купля в первой половине XIX столетия все или почти все женщины, родившиеся в семьях спасовцев, избежали уз брака, но так было не во всех общинах Спасова согласия. Да и в самом приходе с. Купля до конца XVIII в. ситуация была иной. Демографические источники показывают, что в некоторых общинах Спасова согласия были семьи, где некоторые дочери выходили замуж, а другие нет. Если бы речь шла не о русских крестьянах, то сам собой напрашивался бы вывод, что дочери, вероятно, сами принимали решение относительно замужества. Однако в данном случае мы имеем дело с твердо

устоявшимся стереотипом: в России в крестьянских семьях родители принимали все брачные решения за своих сыновей и дочерей. В отношении XVIII в. вышеуказанный стереотип имеет твердую основу, так же как в некоторых, но не во всех областях России первой половины XIX в. Когда некоторые девочки выходили замуж в минимальном для брака возрасте — в 12 (начало XVIII в.) или 13 лет (конец века) — и когда большинство из них уже были замужем к 15–16 годам, а большинство мальчиков — к 16–17 годам, у детей было мало возможности повлиять на выбор брачного партнера. По мере повышения брачного возраста и, соответственно, большего количества лет, которые дети проводили до брака, играя в ухаживания, а затем женихаясь всерьез, стереотип этот терял свою силу или по крайней мере становился не столь очевиден.

Говоря о с. Купля, мы в действительности не знаем, каков был средний возраст брака в XVIII в.: даже в конце этого столетия очень немногие священники во Владимирской епархии отмечали возраст при венчании. В любом случае из с. Купля не сохранилось метрических книг (в отличие от исповедных ведомостей) XVIII в. Мы знаем только, что в некоторых семьях некоторые из дочерей выходили замуж, а другие — нет. Решали ли отцы и матери из Спасова согласия, какой дочери выходить замуж, а какой нет? Мне кажется гораздо более вероятным, что в религиозной общине, где по какой бы то ни было причине наблюдалось растущее сопротивление замужеству, родители, возможно, не приветствовали вступление дочерей в брак, но — как свидетельствуют ревизские сказки — все-таки позволяли им или же просто не могли воспрепятствовать браку некоторых дочерей. Другими словами, в явном противоречии с крестьянской традицией молодые женщины Спасова согласия, похоже, пользовались свободой выбора, то есть сами принимали решение, выходить или не выходить замуж. Если это основное право выбора оставалось за ними, то наверняка у них были значительные возможности выбора жениха. Именно этот вывод я попытаюсь обосновать на конкретных примерах прихода с. Купля (главы 3 и 4), с. Баки на юго-востоке Костромской губернии (глава 6) и с. Стексово на юге Нижегородской губернии (глава 7).

СОДЕРЖАНИЕ

Введение. Смятение в архиве	5
<i>Глава 1</i>	
Моральная экономика брачного рынка крепостных в России, 1580–1750: браки крепостных не регламентированы.	26
<i>Глава 2</i>	
Дворяне обнаруживают сопротивление крестьянок браку и реагируют на него	67
<i>Глава 3</i>	
Пределы неприятия брака: приход с. Купля в XVIII в.	125
<i>Глава 4</i>	
Приход с. Купля, 1830–1850: демографический кризис и возврат к браку.	175
<i>Глава 5</i>	
Спасовцы: согласие отчаяния	207
<i>Глава 6</i>	
Баки: сопротивление браку на новых лесных рубежах	241
<i>Глава 7</i>	
Стексово и Сергей Михайлович Голицын: неприятие брака в контексте экономического благополучия	312
Недозаключение.	361
Библиография	388
Указатель имен	407